

Мо Ли нахмурился, но не успел он ничего сказать, как Ло Дахань, прихрамывая, первым бросился к нему:

— Ты, паршивец, где пропадал все эти дни? Мы тут в доме голодали да мёрзли, а ты, значит, снаружи наслаждался жизнью!

Взгляд Ло Даханя намертво приклеился к туго набитому рюкзаку за спиной Мо Ли. С первого взгляда было понятно, что еды там немало.

Раньше Мо Ли был тощим настолько, что казалось — подуй чуть сильнее, и его унесёт ветром. А теперь вернулся не только с округлившимися щеками, но даже кожа стала гладкой и сияющей. Сразу видно — снаружи он ел досыта.

При этой мысли Ло Дахань вдруг распался ещё сильнее и уже собрался силой сорвать рюкзак с Мо Ли, как внезапно встретился взглядом с Гуйци, стоявшим за его спиной.

До этого Гуйци находился в слепой зоне, поэтому никто в квартире его не заметил. Теперь же, когда Ло Дахань подошёл ближе, тот сам шагнул так, чтобы его было видно.

Светлые глаза опустились на заросшего щетиной Ло Даханя с явным предупреждением.

Гуйци был высоким и крепким, весь в чёрном, с необыкновенно внушительной осанкой. Под его взглядом рука Ло Даханя, уже потянувшаяся к рюкзаку Мо Ли, застыла на полпути: и протянуть дальше было боязно, и отдёрнуть неловко.

В конце концов он натянуто усмехнулся и с упрёком посмотрел на Мо Ли:

— Мо Ли, это ещё кто у тебя за спиной? Ты чего семье даже не сказал, что кого-то домой приведёшь?

Услышав это, Мо Фэйна в комнате тут же поднялась и с любопытством, смешанным с настороженностью, посмотрела к двери:

— Муж, что там? Мо Ли ещё кого-то с собой привёл?

Пока они говорили, Мо Ли уже взял Гуйци за руку и завёл его в квартиру. Теперь и Мо Фэйна, и Ло Яоцзу смогли как следует разглядеть гостя.

Мать с сыном на мгновение потеряли дар речи.

Мо Фэйна невольно подумала: неужели Мо Ли умудрился спасти какого-то актёра? До чего же

тот был красивым и высоким.

Глаза Ло Яоцзу заметно загорелись. Он бесцеремонно окинул Гуйци взглядом с головы до ног, и даже щёки его порозовели.

Мо Ли не заметил перемены в Ло Яоцзу. Он немного смущённо посмотрел на Гуйци:

— Брат, это дом моих тёти и дяди. Ты пока садись, я принесу тебе воды.

Затем он повернулся к всё ещё застывшим Мо Фэйне и Ло Даханю и объяснил:

— Это старший брат, которого я встретил снаружи в последние дни. Его зовут Гуйци. Если бы не он, я бы давно умер. Сегодня брат ещё и сам проводил меня домой.

Говоря это, Мо Ли принялся доставать вещи из рюкзака.

— И это сушёное мясо тоже брат мне дал...

Он суетился, словно маленькая пчёлка, а закончив, посмотрел на лежавшие на столе булочки и как бы невзначай спросил:

— Тётя, дядя, вы выходили искать еду?

Мо Фэйна радостно схватила упаковку готового сушёного мяса и протянула Ло Яоцзу. Услышав вопрос, она даже не задумалась:

— Куда нам выходить? Твой брат ещё такой маленький, у твоего дяди нога толком не ходит. Нам что, жизнью рисковать ради этого?

Услышав её само собой разумеющийся тон, Мо Ли на миг потускнел взглядом.

Затем он посмотрел на мусорное ведро, где лежали упаковки от лапши быстрого приготовления и прессованных галет.

Так вот что тётя имела в виду, когда говорила, что дома совсем нет еды?

Два дня перед тем, как отправиться за припасами, он только и делал, что заливал желудок водой, не увидев даже зёрнышка риса.

Мо Ли не был глуп. Стоило ему задуматься, как он вспомнил, что раньше Ло Яоцзу постоянно

бегал в главную спальню и каждый раз перед этим самодовольно посматривал на него.

Тогда Мо Ли был до смерти напуган зомби снаружи и не успел над этим задуматься. Теперь же всё становилось ясно: тётя с дядей, скорее всего, специально создавали впечатление, будто дома совсем не осталось еды, лишь бы он не ел их припасы.

А заодно... вынудить его выйти наружу.

Вернётся он или нет — для тёти с дядей в любом случае выгода.

Мо Ли не хотел думать о них так, но реальность снова и снова безжалостно хлестала его, насмехаясь над его наивной привязанностью.

Если бы ему не с чем было сравнивать, то Мо Ли, который с детства жил под постоянным пристрастием тёти и дяди и их психологическим подавлением, сейчас, возможно, просто почувствовал бы недолгую боль, а затем вновь убедил себя, что всем этим обязан тётиной семье и должен вернуть долг.

Но за последние несколько дней рядом с Гуйци он впервые в жизни понял, что значит, когда о тебе по-настоящему заботятся. А из отдельных слов Гуйци начал понемногу понимать, какой вообще должна быть нормальная, здоровая семья.

Поэтому все эти дни он постоянно думал над одним вопросом.

Он считал тётю своей семьёй.

Но считали ли они когда-нибудь семьёй его?

Ответ был очевиден.

Похоже, для них он был всего лишь человеком, который должен вернуть долг.

Дядя постоянно напоминал ему, сколько еды и денег на жизнь они якобы на него потратили. Тётя тоже часто говорила, что он обязан быть благодарным.

Ведь они дали ему крышу над головой — пусть это была всего лишь маленькая раскладушка на продуваемом балконе.

Они позволяли ему ходить в школу и давали еду — пусть школа была худшей во всём городе Цзян, а наесться досыта ему почти никогда не удавалось.

Но это всё равно была величайшая милость.

По крайней мере, тётя и дядя постоянно так говорили.

А брат Гуйци?

Брат Гуйци был так добр к нему. Значит, этот долг тем более невозможно будет вернуть — ведь они даже не родственники.

Но брат Гуйци ни разу не говорил ничего похожего и не требовал расплачиваться за добро. Наоборот, он ещё и старательно учил Мо Ли.

Мо Ли не был неблагодарным человеком.

Но несколько дней рядом с Гуйци вдруг заставили его заметить, насколько ненормальными были его отношения с собственной «семьёй».

А когда в сердце уже зародилось сомнение, вернуть всё как прежде было невозможно.

Мо Ли больше ничего не сказал. Молча отнёс еду на кухню, а затем, под болезненным взглядом тёти, заварил для Гуйци чашку чая.

Мо Фэйна явно хотела что-то сказать, но вспомнила, что Гуйци снаружи на вид совсем не тот человек, с которым стоит связываться, и всё-таки проглотила слова.

Квартира была очень маленькой, и между кухней и гостиной практически не было никакой звукоизоляции. Что бы она ни сказала здесь, люди снаружи обязательно услышат.

А этот человек сумел в такое опасное время проводить Мо Ли домой и к тому же носил при себе винтовку. Если она из-за собственной скупости умудрится его оскорбить, выгоды от этого точно не будет.

Пока Мо Фэйна жалела несколько щепоток чая, Мо Ли уже вынес чашку в гостиную.

Тем временем Ло Дахань осмелел и попытался завести разговор с Гуйци. Гуйци же смотрел на прежнего врага спокойно и безразлично и напрямую спросил, для кого предназначена кровать на балконе.

Узнав, что на этой жалкой жёсткой раскладушке Мо Ли спал уже почти одиннадцать лет, он тут же нахмурился:

— То есть вы с женой заняли главную спальню, ваш ребёнок живёт во второй комнате, а Сяо Ли спит на балконе?

Вы ещё и сушите там одежду, складываете всякий хлам, а ребёнок спит в месте, где у него вообще нет никакого личного пространства. Так взрослые себя ведут?

Ло Дахань поперхнулся словами. Ему очень хотелось рывкнуть: «А тебе какое дело до наших семейных дел?» — но, заметив стоявшую под рукой Гуйци винтовку, он так и не посмел открыть рот и лишь улыбнулся:

— Да Мо Ли сам захотел там жить.

Гуйци даже не попытался сохранить ему лицо. В его глазах появился холод.

— Впервые вижу таких опекунов. И правда расширил кругозор. Ладно, не хотите выделить ему место в главной спальне — так неужели нельзя хотя бы поселить его в одной комнате с вашим ребёнком?

Вы и правда заставили ребёнка жить на таком убогом балконе. Кто не знает, ещё подумает, что Сяо Ли вам враг.

Мо Ли, как раз державший в руках чашку чая, удивлённо посмотрел на Гуйци.

Вообще-то к жизни на балконе, где не было ни капли личного пространства, он давно привык и даже считал это совершенно естественным.

Но сейчас в груди всё равно беспричинно разлилось тепло.

Потому что это был первый раз в его жизни, когда кто-то открыто за него заступился.

Ло Дахань почувствовал себя униженным и пробормотал:

— Да говорю же, этот паршивец сам хотел там жить.

Краем глаза заметив, что Мо Ли вышел из кухни с водой, он тут же раздражённо рывкнул:

— Чего ты там на кухне копался? Иди давай, обслужи как следует своего хорошего старшего братца, которого снаружи нашёл. Он у тебя вон как о тебе заботится — уже и твоего старика учить взялся.

Мы по доброте тебя выбрали и вырастили, а теперь, оказывается, ещё и виноваты. Надеюсь,

хоть потом не окажешься неблагодарной тварью и не забудешь, сколько добра сделали для тебя я и твоя тётя. Когда ты в детстве заболел, твоя тётя тебя на спине в больницу тащила!

Все эти слова Ло Дахань произнёс с едким сарказмом.

Привыкший запугивать слабых и бояться сильных, он не осмеливался выплёскивать злость на опасного Гуйци и потому свалил всё накопившееся раздражение на Мо Ли.

<http://bllate.org/book/20329/2041686>